

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ XIX В.

И.В. Цвык

Кафедра философии
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)
Волоколамское шоссе, 4, Москва, Россия, 125171

Статья посвящена преподаванию философских дисциплин в Московской духовной академии в контексте реформирования духовного образования России XIX в. МДА рассматривается как идейный центр российской духовно-академической философии, анализируются как особенности процесса преподавания, так и философские взгляды профессоров академии.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, Московская духовная академия, Ф. Голубинский, В. Кудрявцев-Платонов, истина, гносеология, вера и разум.

Философские дисциплины традиционно занимали важное место в российском духовном образовании. Еще в конце XVIII в. в системе духовного образования предписывалось «в академиях, кроме общих всем семинариям предметов преподавать особые, а именно: полную систему философии и богословие... в философском классе преподавать кроме истории философии, логику, метафизику, нравоучение, натуральную историю и физику» [18. С. 105]. Однако качество преподавания философии в тот период оставляло желать лучшего: несмотря на бурное развитие западноевропейской философии и науки, в православных духовных училищах по-прежнему господствовал старый, вольфианский подход к осмыслению проблем мира и бытия. Да и лейбнице-вольфианская философия вытеснила старый схоластический подход к мировоззренческим вопросам в духе Аристотеля и Аквината только в 70—80-х гг. XVIII в. Оторванность православной мысли от западноевропейской констатировал митрополит Филарет (Дроздов) в одном из своих отчетов после ревизии Петербургской духовной семинарии: «Употребляемая в философском классе учебная книга, написанная Баумейстером по началам Вольфия, не имеет качества, требуемого 99 пунктом первой части Семинарского Устава, по которому книги учебные должны держаться на одной линии с последними открытиями и успехами в каждой науке» [17. С. 72].

Реформа российского духовного образования 1809—1814 гг., призванная вывести его на передовые рубежи просвещения, создала организационную базу для расширения философских знаний в духовных академиях. В то же время среди реформаторов духовных училищ не было единого мнения о том, в какой степени необходимо преподавать философские дисциплины в академиях. Уже при подготовке нового Устава духовных академий выявилось два различных подхода к преподаванию философии: первый был представлен М. Сперанским, сыгравшим большую роль в подготовке реформы духовного образования, и заключался в «живом отношении к предметам веры и соприкосновенных с нею вопросам философской науки». Второй подход защищал епископ Феофилакт (Русанов), для которого «вопросы мысли и жизни были разрешены», и потому он полагал, что «нечего допытываться нового в сфере вопросов, разрешаемых совместно религией и философией».

Более жизнеспособным оказался первый подход. Поэтому уже в первом варианте Устава духовных академий, составленном в 1809 г., уделялось много внимания преподаванию философских дисциплин. «Без них, по смыслу Устава Духовных Академий 1809 г., на основании которого были реформированы высшие учебные духовные заведения России, без философского наполнения учебного процесса, богословское образование, строго говоря, вообще не могло состояться, ибо без этого оно неотвратимо выродится в сухое и безжизненное начетничество» [9. С. 187].

По пробному Уставу 1809 г. все духовные училища в России разделялись на четыре категории: 1) академии, 2) семинарии, 3) уездные училища, 4) приходские училища. Преподавание философских дисциплин предполагалось как в академиях, так и в семинариях, но вместе с тем подразумевалось, что именно академии «займут в науках богословских и философских пространство, им приличное, и станут на черед просвещения, свойственного высшему духовному образованию» [10].

Философское преподавание в духовных училищах заключало в себе две ступени: на первой должна была осуществляться «передача понятий о разных выражениях, определениях и словах, т.е. философской терминологии» — это предполагалось осуществлять в семинариях; вторая ступень, включающая в себя академическое образование, подразумевала «изложение мнений славнейших философов» и их аналитический разбор. «А посему профессор философских наук, пройдя кратко для возобновления в памяти студентов философскую терминологию, должен вести их прямо к самим источникам философских мыслей и показать им как первоначальные их основания, так и связь разных теорий между собой».

При этом приветствовалась самостоятельная работа студентов под руководством преподавателя: чтение истории философии, как и других философских дисциплин, «должно быть сопровождается аналитическим разбором самих студентов и упражнениями собственного их разума в разных философских сочинениях, всегда здраво критикой профессора управляемых» [1. С. 20].

Во вновь создаваемых духовных академиях планировалось организовать «впервые настоящее академическое духовное обучение». Предполагалось вновь открыть четыре преобразованные на основе нового Устава академии — Санкт-

Петербургскую, Московскую, Киевскую и Казанскую. Однако «вследствие недостатка способных людей и во избежание огромных материальных расходов, преобразование духовных училищ положено было производить постепенно, по округам, начиная с Санкт-Петербургской» [5. С. 3]. Поэтому первоначально по новому Уставу начала работу Санкт-Петербургская духовная академия.

Всего было открыто 6 классов, в 4-м классе, философском, преподавалась теоретическая и практическая физика, а также полный курс метафизики и философия истории.

После первого выпуска Санкт-Петербургской духовной академии, работающей по пробному уставу, на основе замечаний ее ректора архимандрита Филарета (Дроздова) в Устав были внесены дополнения, касающиеся в том числе и преподавания философии. Согласно окончательной редакции Устава, принятой 20 августа 1814 г., философские науки могли быть преподаваемы в двух отношениях: во-первых, изучение философской терминологии — это начальная степень философского учения, которую изучали в семинариях; во-вторых, изложение о каждом предмете обсуждения мнений наиболее серьезных и известных философов, сравнение их между собой и приведение «к общему какому-либо началу» — задача, решаемая уже духовными академиями.

Преподавание философии, согласно новому Уставу, должно было не только приблизить духовное образование в России к западноевропейскому уровню развития, но и преодолеть свойственную классическому рационализму односторонность в познании: новое преподавание философии должно было показать неоправданность «раскола разума от веры», тогда как со времени схоластики в развитии западноевропейского рационализма торжествовала противоречивая тенденция «отделить разум от веры, философию от богословия».

По мнению историка Московской духовной академии С. Смирнова, с новым Уставом был «открыт доступ к более широкому и самостоятельному воззрению на предмет и к выражению этого воззрения в форме свободной речи. Школьное выучивание истертых фраз уступило место свободному, сознательному рассуждению о предмете» [13. С. 5].

Однако о свободе философского творчества и рассуждения во вновь открытых и преобразованных академиях речи конечно же не было. Так, новый Устав определил основные философские ориентиры, которых следует держаться в преподавании философии: «Между другими Платон есть первый столп истинной философии... Из новейших философов тех должно предпочтительно держаться, кои ближе всего его держались». В целом, на новый Устав возлагались большие надежды в деле становления и развития «правильной», «православной» философии, способной противостоять усиливающемуся влиянию как западноевропейского рационализма, так и новых форм католической и протестантской мысли.

В течение XIX в. духовные академии подвергались преобразованию еще два раза — Уставы 1869 г. и 1884 г. Период между первым и вторым Уставами духовных академий по своему содержанию можно охарактеризовать как поиск путей примирения философии и религии, причем в качестве основной модели рацио-

нального обоснования религиозных идей стала рассматриваться логико-рационалистическая интерпретация. Устав 1809—1814 гг. требовал новых форм преподавания философии в духовной школе, что и дало импульс к созданию философских интерпретаций религии.

Устав, принятый 30 мая 1869 г., предъявил новые требования к качеству преподавания теоретических дисциплин в духовных академиях.

Важным результатом преобразования духовных академий 1869 г. было существенное повышение денежного содержания преподавателей. Это позволило духовным академиям конкурировать с университетами России в плане привлечения лучших преподавателей. Для получения звания доцента по новому уставу необходимо было иметь степень магистра. Кроме того, в соответствии с новым Уставом были введены для преподавания новые учебные дисциплины — метафизика и педагогика. Этим завершился процесс дифференциации философских дисциплин в академиях, круг которых стал включать в себя следующие предметы: метафизика, логика, педагогика, психология и история философии.

Необходимым условием повышения качества преподавания философских дисциплин в российских духовных академиях явилось более близкое знакомство академических профессоров философии с современной западноевропейской философской мыслью. С целью непосредственного ознакомления духовно-академических философов с современным состоянием философии в западноевропейских странах начиная с 1870-х гг. в академиях практиковались достаточно длительные (год—два) заграничные командировки профессоров и доцентов в Германию, Францию и другие европейские страны. В качестве научных отчетов об этих командировках выходили в свет весьма интересные философские и историко-философские труды, которые иногда становились основанием для получения магистерской или докторской степени. Так, А.И. Введенский (МДА) отправлялся в подобные командировки дважды — в 1891—1892 гг. (труд «Современное состояние философии в Германии и Франции») и в 1898—1899 гг. («Религиозное сознание язычества. Об углубленном интересе духовно-академических профессоров и в целом академического руководства к новейшей западноевропейской философии свидетельствует тот факт, что задания и инструкции к научным командировкам академических мыслителей в европейские страны были весьма подробны и требовали тщательной проработки философской литературы. Устав 1884 г. был менее значимым для преподавания философских дисциплин в духовных академиях. По сути дела, он преследовал цель внести коррективы в руководство академиями — усилить власть в управлении академиями епархиальных архиереев как попечителей и ректоров.

Рассмотрим развитие философского преподавания в пореформенных академиях на примере Московской духовной академии. МДА была вновь открыта после преобразования и утверждения нового Устава в 1814 г., через пять лет после СПбДА, чтобы окончившие первый курс в Петербургской академии студенты стали первыми наставниками в МДА. На первый курс было принято 70 воспитанников из различных духовных семинарий России.

Лекции по философии были открыты 23 октября 1814 г. бакалавром Иваном Константиновичем Носовым, который преподавал философию в МДА всего год — до ноября 1815 г.

Он успел прочитать краткое введение в философию, историю философских систем и опытную психологию. Лекции Носова были записаны Ф.Ф. Голубинским, бывшим тогда студентом академии, но эта запись не сохранилась. Известно только, что в качестве пособий Носов использовал Брукнера и Карпе, а также учебник Баумейстера [11].

После Носова, который был «по болезни вследствие прошения уволен в светское звание», кафедру философии занял магистр, выпускник первого курса СПбДА Василий Иванович Кутневич (1786—1865). Именно Кутневича современные богословы называют основателем школы «философствующего теизма».

Кутневич стремился в своих лекциях дать студентам представление о современном состоянии философской науки, для чего внимательно изучал труды Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби. Кутневич выписывал много книг современных западноевропейских авторов, по его представлению труды немецких философов были приобретены академической библиотекой [12]. При этом, по свидетельству одного из студентов академии Ф. Измайлова, Кутневич в своих лекциях опирался на платонизм и неоплатонизм, весьма уважал и Платона, Плотина. «Своими лекциями он дал понять своим слушателям высокое значение науки, способствовал развитию в них строго и основательного мышления и сообщил доброе направление их умственной деятельности... Занятия философией сделались серьезными» [14. С. 47]. Ф. Измайлов вспоминал: «Возбужденный умными лекциями профессора, я ревностно следил за ходом развития мыслящей силы в роде человеческом».

Свои лекции Кутневич читал, как и было принято в это время в академиях, на латыни. Об их содержании можно судить не только по сохранившимся многочисленным отзывам его студентов и других современников, но и по вступительной лекции, открывающей курс философии в 1818 г., переведенной на русский язык и опубликованной в Прибавлениях к Творениям Святых Отцов в 1864 г.

Понятие философии, по мнению Кутневича, определено самой сущностью человеческой природы. «Чтобы правильнее определить понятие философии, нужно обратиться к первичному ее источнику, т.е. к природе человеческой. Природа человеческая двояка: телесная и духовная. Поелику же философия есть произведение свободной мысли человеческой, то, когда говорим о философии, мы должны обратиться к чисто-духовной природе человека» [8. С. 637]. Из природы человека выводятся четыре задачи, к решению которых стремится человек в силу наличия у него разума: 1) что такое я, или мир субъективный? 2) что такое не я, или мир объективный? 3) какая первая или высшая причина этих миров? 4) что мне должно делать? что я могу знать? В этих четырех задачах Кутневич усматривает сущность («*materia*») философии» [8. С. 639].

Нетрудно заметить влияние немецкой классической философии в этих рассуждениях Кутневича. Определение им структуры философского знания — разделение философии на теоретическую и практическую — также осуществлено

в кантовском духе (причем теоретическая философия подразделяется на логику, что имеет своим предметом саму способность мышления; метафизику, дающую систему познаний о Боге, мире, душе из начал самого разума; и опытную психологию, исследующую предметы «поколикую они представляются чувствам».) Несмотря на большую роль философии в познавательной жизни человека, человеческий разум, осуществляющий познание, имеет определенные пределы, его деятельность не распространяется на предметы Откровения [8. С. 644].

По данной лекции Кутневича можно сделать вывод о том, что каких-либо оригинальных идей, позволяющих судить о попытках создания системы философской интерпретации религиозного сознания, у него еще не было. Однако именно лекции Кутневича дали общее направление преподавательской и творческой деятельности профессоров философии МДА и тем самым положили начало «школе верующего разума», составляющей ядро российской духовно-академической философии XIX в.

Преподавательская деятельность Кутневича вызывала одобрение академического руководства. Так, митрополит Филарет (Дроздов), осуществлявший летом 1818 г. ревизию МДА, одобрительно высказался о лекциях Кутневича: «Уроки философские, по недостатку для истории философской учебной книги и по недовольному совершенству учебной книги для философской системы, все обработаны профессором с основательностью, порядком и ясностью. Особенного внимания достойно в них намерение профессора подружить философию с откровенной религией и через исследования первой уготовить путь сей последней» [17. С. 408]. Филарет настоятельно рекомендовал Кутневичу в ближайшее время подготовить учебник по философии.

После следующей ревизии, в 1820 г., митрополит не изменил своего мнения о Кутневиче: «Класс наук философских, образованный деятельностью нынешнего профессора (Кутневича), по здравым началам и доброму духу представляет доброе сеяние на таком поле, которое, если позволено так изъясниться, с тех пор, как прошло по нему рало критицизма, большей частью заросло дикою травой. То, что по обстоятельствам, не зависящим от произвола, не совершено в сем курсе, уповательно дополнится основательностию преподаваемого и тщанием слушавших» [17. С. 469]. Филарет вновь напомнил Кутневичу о необходимости подготовить учебник. Однако этот учебник так и не был написан. Вследствие плохого самочувствия Кутневича вскоре на кафедре философии его сменил Ф.А. Голубинский.

Федор Александрович Голубинский (1797—1854), профессор философии МДА с 1824 г. и до конца своих дней, практически не оставил печатного наследия, наиболее полным выражением его взглядов являются записанные его слушателем Назаревским и изданные в 1884 г. «Лекции философии». Тем не менее, лекционный курс Голубинского явился первым оригинальным философским курсом, прочитанным в МДА, а сам он предпринял попытку дать теоретическое обоснование религиозным идеям. Эта попытка впоследствии в большей степени удалась его ученику, одному из наиболее крупных духовно-академических философов,

В.Д. Кудрявцеву-Платонову. В.В. Зеньковский полагает, что среди прочих академических философов именно Голубинский выделяется силой своего философского дарования [4. С. 104].

Философию Голубинский рассматривал в полном согласии с Откровением и ее важнейшим назначением считал, «чтобы дух, сердце и волю человека мало-помалу отрешить от земного, греховного, кажущегося и возбудить в нем стремление к неизменяемому, истинному, вечному, чтобы от конечного возводить к Бесконечному, от жизни временной направлять к жизни бессмертной и ее источнику и таким образом руководить нас к Свету Вечному и Божественному» [3. С. 95].

Система философии включала в себя, по Голубинскому, онтологию, космологию и умственную психологию. Путь развития онтологии лежал от исследования свойств бытия ограниченного, ближнего и непосредственного к свойствам бытия Бесконечного. Именно у Голубинского впервые в духовно-академической традиции используется философские аналоги религиозных идей: в системе его онтологии вместо понятия «Бог» употребляется понятие Бесконечного, или Безусловного бытия. Онтология, по мнению мыслителя, должна содействовать преобразованию ума, открывая ему коренные свойства бытия, освобождая от иллюзорного отношению к действительности, способствуя интеграции человеческой личности.

Одной из важнейших задач, стоящих перед Голубинским в его курсе лекций по философии, была критика новейшей классической философии, с которой в академии знакомили студентов весьма подробно, полагая, что наилучшим вариантом будет представить слушателям современную западноевропейскую философию вместе с надлежащей критикой и анализом, сразу показывая ее несостоятельность с точки зрения христианского учения. Особенно много времени уделяли опровержению кантовского учения с позиций христианского понимания бытия: «Ужели Творец произвел нас для обмана, так что и самое сознание наше есть иллюзия?» [3. С. 26].

Вместе с тем в МДА 1830—1860-х гг. ознакомление студентов академии с западноевропейским идеализмом и рационализмом осуществлялось достаточно последовательно. Об этом свидетельствует подборка учебной литературы того времени в архиве МДА (собрание редких книг). Среди других учебных пособий важное место занимают рукописные сочинения (часто без указания автора или источника), посвященные философским взглядам Канта, Шеллинга, Гегеля и др. Например, сборник «История философской системы», отмеченный инициалами «А.А.» и датированный 30-ми гг. XIX в., включает в себя статьи о Локке, Лейбнице, Беркли, Юме, Канте, Шеллинге, Гегеле. Наряду с классической западноевропейской философией в данном сборнике рассматриваются и анализируются теософские идеи: Парацельса, Вейгеля, Беме, Сведенборга, Мартина.

О достаточном внимании, уделяемом в академии преподаванию философии и развитию у студентов навыков философского рассуждения и анализа, свидетельствует и разнообразие тем курсовых сочинений, а также деятельность открытого в МДА в 1816 г. общества «Ученых бесед». С марта по июнь 1816 г. в обществе

было заслушано и обсуждено 20 рефератов, из них 8 — философские, например, на тему «Благо или зло произвела Кантова философия?» [16. С. 5]. В первые два года академического обучения студентам необходимо было написать 5 сочинений по философии (до 40-х гг. XIX в. два из них обязательно должны были быть написаны на латыни), причем весьма приветствовалось изобилие цитат в работах: считалось, что тем самым студент демонстрирует хорошее знание первоисточников.

Ф. Измайлов в своих воспоминаниях об обучении в академии пишет о том, что такая работа была весьма обременительна для студентов, курсовые сочинения писали целый год, нередко по ночам или пропуская для этого другие занятия. Вместе с тем за сроками сдачи работ следили не строго, да и наставники нередко помогали студентам в написании сочинений, поскольку за плохие студенческие работы строго спрашивали с руководителей и наставников. «При этом академическое начальство держало себя так благоразумно в отношении к студентам, что не мешало нам мыслить свободно. Те из нас, младших и старших, которые любили философию, часто в свободные часы сходились на беседу, философствовали, спорили, помогали друг другу в понимании Кантова учения, трудились над переводом технических слов его языка и разбирали систему его доказательств» [16. С. 14].

Однако о полной свободе философского рассуждения и дискуссий в академии речи не было. В архиве МДА сохранился список тем для семестровых сочинений по введению в философию и метафизике за 1838 г., по которому можно судить об основном направлении в преподавании философии в МДА 1830—1840-х гг.

1. De origine philosophial.
2. Могли ли языческие философы в исследовании предметов метафизики постигать истину?
3. Какое из доказательств бытия Божия убедительнее для сердца?
4. Не имеет ли душа человеческая кроме видимого, грубого тела — другого — невидимого, тончайшего?
5. Сохранит ли душа по разлучении с телом самосознание и личность?
6. О различении веры от знания [15].

Все эти темы направлены к укоренению в сознании слушателей академии «правильного», «православного» понимания философии и ее задач в деле обоснования религиозного сознания, к чему и стремились, главным образом, профессора философии МДА начиная с Голубинского.

При общем настороженном отношении к новейшей европейской философии Голубинский в полной мере опирался на Платона и святоотеческую традицию. Среди специфических черт его философских взглядов, выражавшихся в теоретических предпочтениях, современники называют любовь к восточной философии, которую Голубинский, по-видимому, знал достаточно хорошо: «Он не питал исключительного доверия к авторитету позднейших основателей разных систем философских, и в том, в чем другие хотели бы видеть опыты новых открытий в области мышления, указывал проявления идей, давно господствующих в философии Востока» [14. С. 48]. В то же время идеи немецких философов мыслитель под-

вергал критике, в частности, отмечал «недостатки нового германского учения, прикрытого мраком отвлеченности». О Гегеле он писал, что в его системе не разработан вопрос, откуда берется новое, неясен в полной мере источник развития: притом, с точки зрения Голубинского, вопрос об источнике развития можно было бы прояснить, если бы в основу положить полноту бытия, а у Гегеля бытие равно небытию. О Шеллинге Голубинский остроумно замечал, что он «от одного берега отстал, к другому не пристал» [14. С. 49].

Наиболее справедливую характеристику взглядов Голубинского и особенностей его философского курса дал историк МДА С. Смирнов: «Характер философских исследований Голубинского отличается направлением теологическим, но это направление не имеет ничего общего с созерцанием Беме и Сведенборга, и хотя по-видимому довольно близко подходит к духу Баадера, но отличается от него тем, что Голубинский давал разуму более прав на исследование истины и не превращал учения философского в теологическое. Он не поставлял задачей для себя выводить все истины философские из учения Откровенного, но обращался к нему за решением тех вопросов, на которые не мог отвечать разум; а в тех пунктах учения метафизического, в которых суждения ума могли быть достаточны для научения истине, он давал исключительное место исследованиям разума» [14. С. 51].

В целом, преподавание философии в МДА Голубинским являет собой пример попыток духовно-академических мыслителей совместить необходимость включения рационалистических интерпретаций в дело обоснования религиозного сознания и стремление не выходить при этом за рамки ортодоксальной православной догматики. По оценке современных богословов, он «не смог довести дело построения системы цельного христианского знания до конца, но жил в предчувствии его» [6. С. 129].

Эта линия впоследствии была продолжена учеником Голубинского В.Д. Кудрявцевым-Платоновым, преподававшим философские дисциплины в академии с 1858 по 1891 г. Другим учеником Голубинского был Д.Г. Левитский. С 1854 г. он, так же, как и Кудрявцев-Платонов, был бакалавром философии, но скоропостижно умер в 1856 г.

Виктор Дмитриевич Кудрявцев (1828—1891), получивший за особые успехи в обучении именную стипендию митрополита Платона, которая давала право на ношение почетной фамилии Платонов, по окончании академии был оставлен на кафедре философии для преподавательской деятельности, преподавал метафизику, историю древней и новой философии. Важным направлением деятельности Кудрявцева-Платонова являлась также подготовка и разработка программ по философии для духовных учебных заведений. Ему принадлежат два основных учебника «Введение в философию» и «Начальные основания философии». Кроме профессорских обязанностей Кудрявцев-Платонов выполнял особые поручения начальства. Так, интересным фактом его жизни является то, что в 1860 г. он был наставником по предмету «философия» наследнику престола Николаю Александровичу (умер в 1865 г.) В это же время, в 1860 г., Кудрявцева-Платонова пригласи-

шали на кафедру философии в Московский университет, но предложение было им отклонено. В 1861 г. Кудрявцева-Платонова приглашали занять кафедру философии уже в Санкт-Петербургском университете, причем это предложение исходило от министра народного просвещения Е.В. Путьятина. Но митрополит Филарет лично просил Путьятина «не ослаблять философскую кафедру в Московской духовной академии взятием от нее профессора Кудрявцева», и профессор вновь остался в академии.

Кудрявцев-Платонов продолжил линию своего учителя Голубинского в преподавании философии в МДА. В центре его философских интересов лежала философия религии как система обоснования бытия Бога. Его главной задачей было создание системы философской интерпретации религиозного сознания, включающей в себя как онтологию, так и гносеологию. Именно основы созданной им системы философского обоснования религии читались студентам МДА на протяжении многих лет.

Философские воззрения Кудрявцева-Платонова сложились под влиянием Голубинского, но представляют собой дальнейшее развитие идей последнего. Как и другие представители духовно-академической традиции, Кудрявцев-Платонов основной задачей «правильной», «православной» философии считал формирование христианского мировоззрения посредством согласования важнейших догматических представлений с различными способами познания божественной сущности.

В отличие от богословия, философия, по Кудрявцеву-Платонову, должна помочь верующим усвоить основные христианские принципы на основе всестороннего обоснования их разумности и полезности.

Учение Кудрявцева-Платонова о трех типах бытия — Абсолютном, идеальном и материальном и о соответствующих этим типам бытия трех видах познания — было достаточно подробно изложено и вполне четко обосновано в его многочисленных трудах. Библиография печатных работ Кудрявцева-Платонова, в отличие от Голубинского, насчитывает более 40 единиц. Среди изданий его трудов видное место занимает уже упоминаемый нами учебник «Начальные основания философии», выдержавший многочисленные переиздания, а также «Сочинения» в трех томах, девяти выпусках, изданные в Сергиеве-Посаде в 1893—1894 гг.

Основная суть философского преподавания Кудрявцева-Платонова и его творческой деятельности заключалась в стремлении переработать в духе православия современную ему западноевропейскую философию, включить наиболее интересные и подходящие ее идеи в структуру религиозного сознания и использовать их для обоснования религиозных идей, — одним словом, по меткому выражению В.В. Зеньковского, — «воцерковить» европейскую философию. Выполнение этой общей для всей духовно-академической мысли задачи Кудрявцевым-Платоновым можно, на наш взгляд, считать удачным. Он развил в духе православной традиции и включил в свою систему идеи Декарта о трансцендентальном происхождении врожденных идей, учение Канта о категориях и априорных формах чувственности

и рассудка, идеи Якоби о вере как непосредственном знании и религиозно-чувственном происхождении философии. Можно говорить и о влиянии на Кудрявцева-Платонова гегелевского рационализма, учения Гегеля об Абсолютной идее, несмотря на жесткую критику Кудрявцевым-Платоновым пантеизма и диалектики Гегеля.

Вместе с тем, несмотря на стремление Кудрявцева-Платонова доказать возможность и необходимость философской интерпретации религиозного сознания, он оставался на позициях примата веры над разумом, что определило непоследовательность его рационализма и не позволило его системе рационального обоснования религиозных истин занять достойное место в общей истории русской философии XIX в. В то же время философские исследования Кудрявцева-Платонова до сих пор считаются классическими с точки зрения православных богословов. Отмечается, что они вызваны желанием «оправдать веру отцов», философски осмыслить богатое духовное наследие Церкви и само Божественное Откровение. Этот умозрительный путь снова вел к Преданию, к истории, обогащая тем самым богословские академические традиции [6].

Кудрявцев-Платонов оставался профессором философии МДА до своей смерти в 1891 г., т.е. практически до конца XIX в. Однако с 1887 г. историю философии, а с 1891 г. и метафизику с логикой в академии преподавал ученик Кудрявцева-Платонова Алексей Иванович Введенский (1861—1913).

Сохраняя традиции преемственности в преподавании философии в МДА, Введенский продолжил линию своего учителя, Кудрявцева-Платонова, к которому относился с глубоким уважением (известны его многочисленные биографические и аналитические статьи о Кудрявцеве-Платонове, в которых он очень высоко оценивает роль последнего в развитии духовно-академической философии). Печатное наследие Введенского также достаточно велико. Ряд его трудов относится по времени написания уже к началу XX в., тем не менее, по общему замыслу они все же являются логическим продолжением и завершением единой линии «философствующего теизма» в МДА. В трудах Введенского подводится итог почти вековой деятельности духовно-академических мыслителей по развитию систем «верующего разума».

Сохранилась рукопись его лекций по метафизике, читанных в 1899 г. студентам 1 курса МДА, открывающаяся афоризмом «Философия не наука, но приправа всех наук» [2. С. 2]. Данный курс начинается с подробного историко-философского обзора, поскольку, как объясняет автор, «... основой для установления устойчивого понятия о философии должна служить ее история. Ибо если философия есть естественное и необходимое обнаружение человеческого ума, то ее идея должна была выразиться в ее явлении. В противном же случае философия была бы явлением случайным и недостойным знания» [2. С. 3].

Классификация истории философии Введенским весьма показательна: она направлена к одной цели — включить в мировое историко-философское развитие христианскую философию как необходимый его момент, а в качестве важной составной части христианской философии выделить духовно-академические фило-

софские интерпретации. Поэтому периодизация развития философии осуществляется им в зависимости от ответа философов того или иного периода на вопрос о высшем благе.

Так, он выделяет два этапа: античная философия (языческая) — ее характер определяется тем, что она ищет посюстороннего, земного счастья; и новая философия (христианская), чей характер определен, напротив, исканием потустороннего идеала. Причем христианская философия в своем развитии также проходит три этапа: «сначала христианская философия раскрывает свое содержание и формулирует свои постулаты (патристическая философия), потом ищет их оправдания путем согласования с авторитетами древних (схоластика). Наконец, хочет оправдать их путем гармонизации с требованиями отвлеченных умозрительных начал, с нравственно-практическими постулатами и результатами положительной науки» [2. С. 7].

Последний этап в развитии христианской философии рассматривается Введенским как вершина философского развития христианской мысли. Философское «оправдание» христианства в рамках духовно-академической традиции, по его мнению, смогло избежать двух весьма серьезных заблуждений современной западноевропейской философии. Первое из них состоит в том, чтобы рассматривать философию как «ветвь искусства», т.е. художественно-творческое, а потому неточное и недоказуемое явление. Второе заключается в стремлении подменить положительную философию критической. В этом процессе, по Введенскому, сыграли свою роль три момента: односторонность т.н. конструктивного идеализма, который «много обещал, но ничего не исполнил»; «подавляющий авторитет Канта»; и, наконец, быстрый рост позитивных наук и развитие позитивной философии [2. С. 9—10].

Введенский не случайно упоминает в лекциях позитивизм: во второй половине XIX в. необходимость православной критики позитивизма вышла на первый план, затмив собой осмысление немецкой классической философии. У Кудрявцева-Платонова, Дебольского, Каринского, Введенского наряду с попытками критического анализа позитивной философии явственно ощущается ее влияние.

В целом, преподавание философии Введенским осуществлялось в русле традиции «верующего разума» МДА. Но все же ряд его идей, особенно высказанных в работах 1890-х гг., можно охарактеризовать уже не как логико-рационалистические, а скорее как нравственно-мистические. По сравнению с Кудрявцевым-Платоновым, при анализе религиозной жизни и религиозного сознания Введенский больше внимания уделял духовно-нравственным его основаниям. Еще в большей степени, чем у его учителя, у Введенского звучит мотив необходимости гармоничного слияния веры и разума в одной духовной способности, в его представлении познавательные функции человека должны отойти на второй план, уступив место нравственным ориентирам.

Среди академических профессоров начала XX в., осуществлявших дальнейшее развитие философии в МДА, необходимо отметить П. Флоренского, с 1908 г. преподававшего историю философии, а с 1914 г. ставшего профессором фило-

софии. Его труды представляют собой христианско-мистическое направление в духовно-академической философии XX в., в его учении наиболее важное значение в религиозном познании отводится внутреннему духовному опыту.

Антропологическое направление академической мысли в МДА начала XX в. развивал М. Тареев, преподававший нравственное богословие и окончательно отошедший от философского теизма к этическому антропологизму.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что преподавание философии в Московской духовной академии в XIX в. отличалось стабильностью и преемственностью, уже с 1830-х гг. центром духовно-академической философии стала именно МДА. Не случайно в своем выступлении на юбилее Введенского С. Глаголев называл Сергиев-Посад «городом верующего разума», отмечая, что «именно здесь, в тиши студенческих и профессорских келий ведет свою работу разум, ведомый верою». Оценивая реформу духовного образования, ставшую основой развития духовно-академических интерпретаций XIX в., Смирнов писал: «...в старых школах философия больше стесняла мысль строгим блюдением формы, по самому методу ее изучения мало давая средств к свободному развитию мышления, академическое преподавание, напротив, поставляло для себя главной задачей раскрыть в воспитанниках способность самостоятельного суждения» [14. С. 67]. Конечно, самостоятельность философского суждения в академиях была весьма относительной, тем не менее, именно в стенах МДА были предприняты наиболее успешные попытки представить систему философского обоснования религиозного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аскоченский В.* История Киевской духовной академии. — СПб., 1863.
- [2] *Введенский А.И.* Лекции по метафизике. 1899. Рукопись // Архив МДА. ОР РГБ. 172.152.10.
- [3] *Голубинский Ф.А.* Лекции философии. — Вып. II. — М., 1884.
- [4] *Зеньковский В.В.* История русской философии. — Т. I. — Ч. 2. — Л., 1991.
- [5] *Знаменский П.* Казанская духовная академия за дореформенный период. — Вып. 1. — Казань, 1891.
- [6] *Иванов М.С.* Академическое богословие. Исторический обзор // Журнал Московской патриархии. — 1986. — № 1.
- [7] *Кудрявцев-Платонов В.Д.* Сочинения. Сергиев-Посад, 1892—1894 гг. — Т. I. — Вып 1. Вступ. статья А Введенского. — Сергиев-Посад, 1892.
- [8] *Кутневич В.И.* Вступительная лекция по философии // Прибавления к Творениям Святых Отцов. — Ч. 23. — 1864.
- [9] *Мустафин А.* Философия в СПбДА // Богословские труды. Юбилейный сборник. — М., 1986.
- [10] Проект Устава Духовных Академий. — СПб., 1814.
- [11] Правление МДА. Дело № 6. О преподавании философии в МДА по системе Карпе, а в семинарии по системе Баумейстера. Дело № 4. О доставке в академию философии Карпе // Архив МДА. — ОР РГБ. — 172 /II. — № 87, 89.
- [12] Правление МДА. Дело № 85. О выписке из Комиссии духовных училищ книг для проф. Кутневича // Архив МДА. — ОР РГБ. — 172 /II. — № 100.

- [13] *Смирнов С.К.* Историческая записка о МДА по случаю празднования ее 50-летия. — М., 1864.
- [14] *Смирнов С.К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814—1870). — М.: Унив. тип. (М. Катков), 1879.
- [15] Темы для семестровых сочинений по введению в философию и метафизику. II курс. 1838 г. // Архив МДА. — ОР РГБ. — 173 /III. — № 85.
- [16] У Троицы в Академии. — М., 1914.
- [17] *Филарет, митрополит.* Собрание мнений и отзывов. — СПб, 1885. — Т. I.
- [18] *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. — СПб., 1857.

PHILOSOPHY IN MOSCOW ECCLESIASTICAL ACADEME IN THE XIX CENTURY

Irina Tsvyk

Chair of philosophy

Moscow Aviation institute (State technical university)

Volokolamskoe shosse, 4, Moscow, Russia, 125171

The article covers the historical and philosophical analysis of Philosophy in Moscow ecclesiastical academe in the XIX-th century. The range of topics is actual problems of Philosophy teaching development in Moscow ecclesiastical academe in the XIX-th century, the specifics of ecclesiastical-academic Philosophy, its theoretical prerequisites.

Key words: ecclesiastical-academic Philosophy, Moscow ecclesiastical academe, F. Golubinsky, V. Kudryavtsev-Platonov, truth, theory of cognition, faith and mind.